

УДК 316.7

*Kupreev A.A.
Kireev A.A.*

Трансграничные культурно-информационные отношения российского Дальнего Востока (1990-е – 2010-е гг.): структура и тенденции развития

Transborder cultural and information relations of the Russian Far East (1990s – 2010s): structure and trends

Статья посвящена изучению культурно-информационного взаимодействия российского Дальнего Востока и его соседей – КНР, США, Японии, РК и КНДР – в постсоветский период. Автор использует количественные данные социологических опросов и государственного статистического учёта, характеризующие участников, каналы и коды трансграничной культурной коммуникации, её географическую структуру и динамику. В итоге исследования делаются предварительные выводы о тенденциях и этапах развития трансграничных информационных отношений региона.

Ключевые слова: *трансграничные отношения, информация, культура, коммуникация, российский Дальний Восток*

The article is devoted to the study of cultural and information exchange between the Russian Far East and its neighbors – China, USA, Japan, South Korea and North Korea – in the post-Soviet period. The author uses the quantitative data of public opinion polls and state statistics characterizing participants, channels and codes of transborder cultural communication, its geographical structure and dynamics. As a conclusion the author makes preliminary findings on trends and stages of development of transborder information relations of the region.

Key words: *transborder relations, information, culture, communication, the Russian Far East*

На фоне признания возрастающей значимости пересекающих государственные границы информационных процессов, их эмпирические исследования, в особенности исследования регионального или странового масштаба, остаются немногочисленными. Это замедленное развитие эмпирического и, в целом, научного, изучения трансграничных информационных отношений обусловлено целым рядом факторов, среди которых, прежде всего, следует выделить основополагающие свойства информации как таковой. К фундаментальным свойствам информации, серьёзно затрудняющим непосредственное исследование её движения в виде пространственно и содержательно дифференцированных потоков, относятся нематериальность (точнее, низкая материалоемкость), неограниченная воспроизводимость и многозначность. Наряду с общественно-политическими факторами (комплекс информационных прав и свобод), эти свойства информации являются важными препятствиями на пути создания эффективных концептуальных, организационных и

материально-технических механизмов государственного учёта и контроля трансграничных информационных потоков.

Названные факторы в полной мере актуальны для современной России и РДВ. Отсутствие всеобъемлющей и публичной системы государственного статистического учёта информации вполне объясняет то, что до настоящего времени трансграничные информационные процессы на РДВ становились предметом эмпирического анализа только эпизодически и лишь в некоторых частных аспектах [1; 3; 4]. Поэтому целью настоящей статьи будет обобщение доступных эмпирических и, особенно, количественных, данных для предварительного описания состояния культурно-информационных отношений РДВ (в пределах Дальневосточного федерального округа) и его ближайших соседей (КНР, США, Япония, РК и КНДР) на протяжении современного периода (1990-е – 2010-е гг.). В рамках этой общей цели автор намерен рассмотреть изменения в объёме и структуре культурно-информационных отношений РДВ, их основные тенденции и этапы, а также ту роль, которую в их динамике в изучаемый период играла регулирующая политика государства. Заявленный предмет исследования будет рассматриваться с российской стороны.

Обмен информацией является неотъемлемой частью любых общественных процессов и может быть обнаружен во всех типах трансграничных отношений – экономических, социальных, политических. Однако в фокусе данного исследования находится только культурная разновидность трансграничных информационных отношений. Под культурно-информационными здесь понимаются информационные отношения, которые оказывают непосредственное содержательное воздействие на культурное сознание их участников. Именно в сфере культуры как совокупности коллективных знаний, ценностей и стереотипов поведения, которые обеспечивают поддержание своеобразия, самотождественности и исторической преемственности общества, информационный (знаково-символический) обмен становится ведущей, основной деятельностью, отодвигая на второй план материальные (вещные) и социальные (практические) формы обмена. Благодаря такой значимости, по достижении определённого объёма трансграничные культурно-информационные отношения могут глубоко трансформировать культуры взаимодействующих обществ, например, приведя их к слиянию, интеграции. Вместе с тем, следует учитывать, что культурный эффект могут вызывать и другие – «некультурные» – типы трансграничных информационных контактов, отделить которые от собственно культурно-информационных отношений (даже в условиях их современной формальной дифференцированности) зачастую очень трудно.

Трансграничные культурно-информационные отношения обладают чрезвычайно сложными и во многом латентным составом и структурой. Различные входящие в них элементы и связи доступны для эмпирического, и в т.ч. количественного, изучения в разной степени. Если исходить из того, что главным содержанием трансграничных культурно-информационных отношений выступает процесс коммуникации, то в их составе можно выделить четыре основных компонента: 1) участники (внутренние и внешние субъекты, представители разных культур, являющиеся получателями и отправителями информации); 2) сообщения (передаваемый информационный контент); 3) каналы (средства передачи информации); 4) коды (языки передачи информации). Структуру трансграничных культурно-информационных отношений в таком случае образует связывающий названные компоненты друг с другом порядок движения информации, конфигурация информационных потоков. Структуры трансграничных культурно-информационных отношений

могут значительно варьировать по степени своей дифференцированности и централизованности, с точки зрения своей геометрии в географическом и социальном пространстве. При этом общей особенностью этих структур является пересечение ими государственной границы. Данная особенность трансграничных культурно-информационных отношений обуславливает то, что, наряду с внутриобщественными условиями и внутренней политикой государств, факторами их динамики служат состояние системы границы и пограничная политика.

Эмпирические исследования трансграничных экономических, социально-демографических и во многом политических отношений РДВ базируются главным образом на анализе статистики чётко локализованных пересечений границы достаточно хорошо идентифицируемыми и измеримыми объектами соответствующих типов – товарами, денежными переводами, мигрантами, официальными делегациями и т.п. В случае с информацией, в силу уже упоминавшихся факторов, получение в той же степени полной и точной статистики пересекающих границу потоков оказывается практически невыполнимой задачей. Структура трансграничных информационных связей РДВ так сложна и изменчива, а количество, разнообразие и скорость движения передаваемых по ним сообщений так велики, что даже при использовании самых современных технических и организационных средств пограничный учёт информационного контента будет неизбежно страдать фрагментарностью и содержательной поверхностностью.

Более доступны для эмпирического описания и изучения другие компоненты культурно-информационных отношений. Важнейшее место среди них занимают внутренние и внешние участники этих отношений, которые могут рассматриваться как с точки зрения объективных (количество, местонахождение, пол, возраст, профессия и т.д.), так и субъективных (воспринимаемая информация и меняющиеся под её влиянием культурные представления) характеристик.

Если понимать под внутренними (актуальными и потенциальными) участниками трансграничных культурно-информационных отношений российских граждан, проживающих в дальневосточном регионе России, то такие субъективные характеристики этих участников, как сложившиеся в их культурном сознании образы сопредельных стран к настоящему времени уже относительно хорошо изучены. Особый интерес с этой точки зрения представляет серия опросов жителей регио-

Таблица 1. Динамика симпатий жителей юга РДВ к соседним странам (% от числа опрошенных)

Страны	Годы проведения опросов							
	1995	1997	1998	2000	2002	2003	2008	2010
<i>Япония</i>	41	40	36	34	36	44	35	40
<i>Китай</i>	4	6	3	3	6	9	9	16
<i>РК</i>	12	12	7	-	9	12	8	15
<i>США</i>	45	33	-	-	15	19	11	13
<i>КНДР</i>	3	1	1	-	2	3	3	2

Источник: составлено на основе: [14, с. 338; 15, с. 98, 189, 225, 233, 251–252].

Таблица 2. Динамика интереса жителей юга РДВ к турпоездкам в соседние страны (% от числа опрошенных)

Годы проведения опросов	1995	1997	1998	2000	2002	2003	2008	2010
Страны								
Япония	46	37	29	32	32	34	37	37
Китай	9	8	5	7	-	12	14	20
РК	18	9	7	-	10	9	10	13
США	40	24	-	-	15	13	12	11
КНДР	3	1	1	-	2	2	6	5

Источник: составлено на основе: [14, с. 338; 15, с. 102, 189, 225, 233, 251–252].

нов юга РДВ, проведённых в 1990-е – 2000-е гг. Институтом истории, археологии и этнографии (ИИАЭ) ДВО РАН. Результаты этих опросов, в частности, содержат данные об оценочном (симпатии к стране) и поведенческом (туристическая привлекательность страны) аспектах образов Китая, Японии, США, РК и КНДР в сознании дальневосточников (Таблицы 1 и 2).

В качестве комментария к Таблице 1 следует отметить, что доминирующим мотивом симпатий дальневосточников к соседним странам, как правило, является оценка их культуры и истории. Исключение составляют США, симпатии к которым мотивированы, прежде всего, впечатлениями от экономических достижений и военной мощи этой страны [15, с. 253]. Туристические предпочтения, в отличие от интереса, например, к трудовой миграции или выезду за рубеж на постоянное место жительства, также являются поведенческим индикатором в первую очередь культурной составляющей в сознании жителей региона.

Результаты опросов, проводившихся ИИАЭ ДВО РАН, дают сведения и о когнитивных аспектах образов стран, соседствующих с РДВ. Так, опросы 2003 и 2008 гг. содержали вопросы на знание культуры и истории Китая (а точнее, представляющих их персоналий). Ответы на эти вопросы в целом показывают тенденцию к росту знаний, хотя и в 2008 г. доля узнавших деятелей китайской истории и культуры оставалась в пределах от 10 до 24 %¹. Аналогичные вопросы о Японии включали опросы 1995 и 2008 гг. Они не выявили столь же явного роста знаний об этой стране, хотя показали в целом более высокую долю узнающих японских исторических и культурных деятелей (от 12 до 47% опрошенных в 2008 г.) [15, с. 135, 191–193].

Приведённые данные позволяют сделать некоторые предположения об объёме (степени массовости) и географической структуре культурно-информационных отношений РДВ, а также их динамике в 1990-е – 2000-е гг. Сопоставляя по оценочным (симпатии) и поведенческим (туристические предпочтения) аспектам образы пяти рассматриваемых стран, можно заметить, что наиболее широко на протяжении всего указанного периода в сознании дальневосточников была представлена Япония. В то же время наиболее выраженную положительную динамику по

¹ За исключением вопроса о Конфуции, китайского философа в котором опознали две трети опрошенных.

обоим аспектам демонстрирует образ Китая, к 2010 г. закрепивший за собой вторую по значимости роль в восприятии жителями региона окружающего мира. Динамика образов РК и КНДР не имеет каких-то явных тенденций и скорее характеризуется стабильными колебаниями вокруг соответственно третьего и пятого места в «культурном рейтинге» дальневосточников. Что же касается образа США, то за период проведения опросов он пережил резкое падение своей значимости, переместившись со второго места по симпатиям и первого места по туристическим предпочтениям на четвёртую позицию по обоим параметрам.

Говоря о культурной значимости образов стран, вместе с тем, следует учитывать, что даже наиболее высокие показатели симпатий и туристического интереса к соседу, могут сочетаться, как отмечено выше, с отсутствием у большинства населения региона, включая и самих симпатизирующих респондентов, самых элементарных знаний о предпочитаемой стране.

Анализ *Таблицы 1* и *2* также даёт возможность выявить важный исторический рубеж в развитии образов стран-соседей РДВ. Около 2000 г. тенденции к уменьшению симпатий и туристического интереса, наметившиеся во второй половине 1990-х гг. в отношении большинства рассматриваемых стран меняются на противоположные. Исключением здесь вновь стали США, образ которых и в 2000-е гг. сохранил устойчивую тенденцию к падению популярности.

Сравнительная значимость образов пяти стран и тенденции их динамики, безусловно, связаны с объёмом культурно-информационных отношений между этими странами и РДВ и его изменениями. Однако очевидно и то, что эта связь не является прямой. Помимо результатов трансграничных культурно-информационных отношений в образах соседних обществ находят отражение и результаты внутрироссийских, интраграничных информационных процессов. Поэтому выводы, которые можно сделать на основе анализа сознания внутренних участников трансграничных культурно-информационных отношений, необходимо проверить эмпирическими данными, касающимися других компонентов этих отношений.

Оценить то, в какой мере сложившиеся у дальневосточников общие образы соседних стран сформировались именно в результате трансграничных культурно-информационных отношений с ними, позволяют данные о каналах получения информации. Целый ряд проводившихся на РДВ опросов включали в себя вопросы по этой теме. В частности, в организованном ИИАЭ ДВО РАН опросе жителей юга Дальнего Востока 1995 г. был задан вопрос об источниках их информации о Японии. Ведущие позиции среди названных источников заняли центральное телевидение (48% от числа опрошенных), центральные газеты (31%), местное телевидение (29%) и местные газеты (25%). Для 20% опрошенных источником информации были поездки в Японию. Проведённый той же организацией опрос 1997 г. в целом подтвердил данные, полученные ранее: центральное и местное телевидение (69% опрошенных), газеты и журналы (42%), личное посещение Японии (20%). В опросе 2003 г. аналогичный вопрос был посвящён Китаю. Ответы об источниках информации о нем распределились в следующем порядке: общение с китайцами в России (61% опрошенных), телевидение (42%), рассказы знакомых (34%), газеты (28%) и поездки в Китай (26%) [15, с. 42 – 44].

В 2002 г. вопрос об источниках формирования образа Китая был задан участникам трёх опросов (в Благовещенске, Владивостоке и сельских районах юга Дальнего Востока), проведённых под руководством А. П. Забияко. В результате «личный опыт» в качестве источника инфор-

мации указали от 35,4 до 40,8% опрошенных, а «материалы прессы, ТВ и радио» – от 19,8 до 27,1% [7, с. 263, 292, 304].

С ответами на прямой вопрос о каналах получения информации можно сопоставить сведения, сообщённые респондентами о поездках за рубеж и контактах с иностранцами в России. Так, по данным опроса ИИАЭ 2003 г., 35% опрошенных жителей юга Дальнего Востока хотя бы раз бывали в КНР. В ходе опроса 2008 г. о посещениях КНР сообщили уже 56% респондентов, причём 32% бывали в этой стране более трёх раз. В том же опросе было выявлено, что 16% респондентов посещали Японию, 12% – Южную Корею и 6% – КНДР [15, с. 45].

Согласно опросу ИИАЭ 2003 г., охватывавшему жителей Приморского края, доли респондентов, имевших опыт личного общения с иностранцами из изучаемых стран на территории России, распределились следующим образом: 56% общались с китайцами, 21% – с японцами, 17% – с гражданами РК, 9% – с гражданами США и 5% – с гражданами КНДР [15, с. 46–47].

Таким образом, результаты опросов указывают на существование значительных и усиливающихся со временем различий между странами с точки зрения каналов, по которым информация о них поступает к жителям РДВ. Если в отношении КНР доминирующим по массовости каналом выступает непосредственная межличностная коммуникация, связанная с трансграничными миграциями, то о других странах жители РДВ до сих пор узнают в большинстве своём опосредованно, главным образом из средств массовой информации.

Самоописания опрошенных дальневосточников можно сравнить с данными статистического учёта миграционных потоков между Россией и изучаемыми странами.

Необходимо учитывать, что приведённая в *Таблице 3* статистика миграционного движения охватывает все регионы РФ, и от одной трети до половины въездов и выездов через границы России с Японией, Китаем, РК и КНДР совершались в разное время вне пределов РДВ. Что же касается США, то миграционный обмен с этой страной на протяжении изучаемого периода в подавляющей своей части происходил через западные границы России.

После внесения указанных поправок, тем не менее, остаётся очевидным явное доминирование среди трансграничных миграционных отношений РДВ китайского направления. Миграционный обмен между РДВ и Китаем на протяжении изучаемого периода доминировал как с точки зрения интенсивности пересечений границы (и, соответственно, объёма потока), так и по темпам прироста. На втором месте по этим показателям долгое время находилась Япония, пока в конце 2000-х гг. её не опередила Южная Корея. Значительно отстаёт от Японии и РК по интенсивности миграционного взаимодействия с РДВ США. Кроме того, это единственная страна, миграционный обмен которой с Россией лишь к 2010 г. смог вновь выйти на уровень 1993 г.

Таким образом, распределение пяти стран по данным миграционного учёта вполне согласуется со сведениями респондентов о непосредственных контактах с их представителями, а также в основной части соответствует ранжированию культурной значимости этих стран в сознании дальневосточников. Вместе с тем, следует обратить внимание на два существенных обстоятельства. Во-первых, различие в долях респондентов, лично контактировавших с гражданами КНР и с гражданами других четырёх стран значительно меньше разрыва в статистических данных о миграционном обмене с Китаем и этими странами. Это можно объяснить тем, что в ответах респондентов о поездках в Японию, США, РК и КНДР и общении с их представителями (в отличие от Китая) мог-

Таблица 3
Динамика числа въездов и выездов между Россией и ее дальневосточными соседями
с 1993 по 2013 гг. (в тыс. случаев)

Страны Годы	1993		1995		1997		2000		2002		2005		2007		2010		2013		
	въезд в Россию	выезд из России	въезд в Россию	выезд из России	въезд в Россию	выезд из России	въезд в Россию	выезд из России	въезд в Россию	выезд из России	въезд в Россию	выезд из России	въезд в Россию	выезд из России	въезд в Россию	выезд из России	въезд в Россию	выезд из России	
Япония	61,5 18,7	113 13,4	57,3 20,4	152 5,3	74,4 32,4	173 14,3	63 34	146 12	188 17	87,6 50,8	164,3 25	83,6 45	161 25	78 42	87,1 26,1	102 55	87,9 33,4		
Китай	751 237	777 393	391 116	343 239	449 147	834 647	494 172	997 773	1232 617	798,6 204,1	2171 1151	765,1 129,7	2881 1652	747 158	2284 1440	1072 372	2058 1068		
РК	н/д	81,4 17,7	42,1 9,2	91,8 24,3	44,1 17,3	87,4 21,1	61 15	97 15	106 17	111,2 43,3	119,3 29,5	124,7 48,8	119,5 32,5	91 43	151,4 74,2	108 52	211,2 107		
США	263 114	212 9,2	216 66,8	165 12,6	219 76,6	158 27,6	199 84	114 23	96 13	280,9 156,7	122 21	293,5 172,3	139 79	262 162	206 86	306 197	334 147		
КНДР	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	19,9 1,3	н/д	21,1 0,6	н/д	23,6 1,2	н/д		

Источник: [19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 28; 29; 30; 31.]

Примечание: в знаменателе указано общее количество въездов (выездов), в числителе – количество въездов (выездов) с целью туризма.

ли отразиться воспоминания о более давних контактах, относящихся к 1970-м – 1980-м гг. В пределах же изучаемого периода, перевес доли лично общавшихся с китайцами, безусловно, должен быть выражен значительно сильнее. Во-вторых, и это намного важнее, требует объяснения противоречие между первенством в опросных данных о личных контактах, и особенно в статистике миграционного обмена, Китая и лидирующим положением в ранжировании культурных образов Японии. Можно предположить, что высокая значимость образа Японии для дальневосточников либо обусловлена воздействием медийных каналов получения информации, либо обязана своим существованием каким-то иным культурным механизмам.

Результаты пограничного учёта миграций свидетельствуют также об общем (за исключением КНДР) значительном росте доли в миграционном обмене поездок с туристическими целями – к концу периода (2013 г.) в среднем до половины его объёма. Это говорит о том, что роль прямых контактов в культурно-информационных отношениях РДВ в целом становится более весомой. При этом до начала 2000-х гг. доля туристических поездок росла очень медленно, либо даже снижалась¹. Рост туристического компонента миграции наметился после 2002 г. и стал особенно заметным (главным образом, за счёт российских туристов) со второй половины 2000-х гг.

Обращаясь к вопросу о роли каналов опосредованной (медийной) коммуникации в трансграничных культурно-информационных отношениях РДВ, необходимо отметить, что в опросах эти каналы, как правило, рассматриваются недифференцированно и нередко отождествляются исключительно с российскими каналами. В действительности, каналы опосредованной коммуникации (прежде всего, телевидение, печатные СМИ, радио, интернет-ресурсы) имеют сложный состав, и могут быть разделены (по собственникам и используемому языку) на три основные категории: 1) российские каналы; 2) иностранные русскоязычные каналы; 3) иностранные иноязычные каналы.

Среди источников опосредованного получения дальневосточниками информации о соседних странах каналы, контролируемые российскими собственниками, конечно, преобладают. Это касается в особенности СМИ с наиболее массовой аудиторией – таких как телеканалы и радиостанции. Вместе с тем, в России в целом и на РДВ в частности в рассматриваемый период существовал сектор СМИ, принадлежащих полностью или частично иностранным владельцам. Особенно заметную роль в этом секторе, наряду с европейскими, играли американские компании. С середины 1990-х гг. они контролировали в России несколько телеканалов и радиостанций, а также целый ряд крупных журналов и газет. Второе место среди интересующих нас стран примерно в эти же годы в русскоязычном информационном пространстве РФ заняли китайские собственники, которым принадлежали несколько десятков центральных и региональных печатных СМИ.

С середины 2000-х гг. российское государство приступает к вытеснению иностранного капитала с национального медиарынка, причём темпы этого процесса постепенно нарастают. Так, по официальным данным, с 2010 по 2013 гг. иностранные инвестиции в российские организации сектора контента и СМИ снизились с 167,9 до 31,1 млн. долл. [8, с. 104].

¹ Вопреки цифрам статистики эта тенденция касалась и Китая, поскольку высокая доля туризма в миграционном обмене с этой страной в 1990-е гг. обеспечивалась т.н. «псевдотуристами», т.е. лицами, использовавшими возможности безвизового туризма в целях трудовой или коммерческой миграции («челноки»). Проблема китайского псевдо-туризма была в основном решена только в 2000-е гг.

К середине 2015 г. иностранный капитал присутствовал в примерно 1000 печатных СМИ и около 150 теле- и радиоканалах, зарегистрированных в России [13]. Разумеется, что наличие доли (чаще всего, меньшей) иностранного капитала влияет на транслируемый информационным каналом контент далеко не прямым образом. В большинстве своём данные СМИ преследуют коммерческие (а не культурно-просветительские) цели и приспособляются к вкусам и интересам массовой российской аудитории. Русскоязычных изданий, целенаправленно продвигающих иностранный культурный контент или являющихся переводными версиями конкретных зарубежных СМИ, немного. Согласно реестру зарегистрированных Роскомнадзором зарубежных СМИ, в России существуют всего три издания, учреждённых китайскими организациями. СМИ с учредителями из США, согласно этому реестру, в России сегодня нет, хотя он содержит более двух десятков изданий с английскими и украинскими учредителями, которые могут быть связаны с американским капиталом [18].

Более эффективными с точки зрения отправителей каналами трансграничной передачи информации являются русскоязычные СМИ, незарегистрированные в России. Лидерами такого трансграничного вещания на Россию, включая РДВ, также являются США и Китай. Особенно давнюю историю имеет русскоязычное вещание со стороны США, трансляция которыми радиопередач на территорию СССР (главным образом, европейскую) была начата ещё в 1947 г. [16]. В постсоветский период американское радиовещание продолжалось в меньшем объёме, а в 2012 г. работа в российском эфире его крупнейшего канала – «Радио Свобода» – была прекращена [17]. Вместе с тем, с 2000-х гг. производимые в США информационные продукты для русскоязычной аудитории все более широко распространяются через Интернет, посредством как сетевого радиовещания, так и мультимедийных сайтов.

Русскоязычное трансграничное вещание из Китая началось позднее, уже в 1960-е гг., и имело первоначально значительно меньший масштаб, охватывая главным образом приграничные районы. Однако в постсоветский период, особенно с середины 2000-х гг., его развитие вышло на более высокий уровень – и с точки зрения географического охвата, и по количеству используемых каналов. Наряду с радиовещанием в Китае появились телеканал и периодические издания на русском языке [6]. В настоящее время все эти каналы культурно-информационных отношений с Китаем, как правило, имеют свои интернет-версии, в форме которых они наиболее доступны для дальневосточной аудитории¹.

Третьей категорией каналов передачи культурной информации, обеспечивающей наиболее высокий контроль над ней отправителей, являются СМИ, находящиеся в иностранной юрисдикции и использующие языки своих стран. Если принимать во внимание показатели объёма национального информационного продукта, количества каналов его передачи и их пропускной способности (тиражи, эфирное время), то среди рассматриваемых стран впереди, с большим отрывом от остальных, находятся Китай, США и Япония². Однако оценить то, какая часть производимой и транслируемой ими иноязычной информации достигает дальневосточной аудитории довольно трудно.

Косвенным индикатором размеров дальневосточной аудитории зарубежных СМИ могут быть ответы респондентов на вопрос о доверии к ним. Так согласно опросы ВЦИОМ 2015 г. 17% опрошенных в ДФО на

¹ Кроме СМИ США и Китая, русскоязычное вещание также ведет «Радио Япония» [16].

² Выход Китая на роль крупнейшего рынка информационных ресурсов в мире произошёл во второй половине 2000-х гг. [6, с. 82].

вопрос о доверии к зарубежным СМИ ответили «да» или «скорее, да» (по стране в целом таковых оказалось 13%) [5].

Другим косвенным показателем величины аудитории иностранных СМИ может служить доля населения РДВ, владеющая иностранными языками. Данные опросов по этой теме заметно разнятся, но в целом указывают на то, что владеющими иностранными языками в разной степени в общей сложности считают себя до половины жителей региона. Неоспоримым лидером в данном отношении является английский язык. По данным опроса ВЦИОМ 2009 г., о владении английским языком заявили 46% опрошенных в ДФО [9]. Согласно опросу ФОМ 2010 г., доля владеющих английским языком хотя бы на «минимальном уровне» в ДФО составляла 33% [2]. Опрос ВЦИОМ 2014 г. принёс следующие результаты: 2% респондентов в ДФО ответили, что владеют английским языком свободно, 35% – что могут читать, переводить и объясниться в быту, 16% – что «знают несколько фраз» [10]. Примечательно, что согласно опросам разных лет уровень владения английским языком на РДВ устойчиво превышает средний по стране.

Доля владеющих языками других стран-соседей РДВ является существенно меньшей. По данным опросов ВЦИОМ 2009 и 2014 гг. китайским языком (на уровне «знаю несколько фраз») владели 4% респондентов в регионе [9; 11]. Впрочем, согласно опросу жителей юга Дальнего Востока, т.е. населения приграничных регионов, доля в той или иной степени знающих китайский язык ещё в 2003 г. достигала 9% [15, с. 44]. Что касается японского языка, то опрос ВЦИОМ 2014 г. обнаружил в ДФО 5% респондентов, выбравших для оценки своего уровня владения им ответ «знаю несколько фраз» [12].¹

Судя по тому, что опросы не фиксируют на РДВ респондентов, владеющих корейским языком, его распространённость является очень незначительной. Знание этого языка характерно главным образом для российских граждан корейской национальности. По данным переписи 2002 г., в России проживало 148,5 тыс. таких граждан, около половины из которых находились в дальневосточном регионе. Согласно той же переписи, 40% российских корейцев заявляли о владении корейским языком [27].

Очевидно, что далеко не все россияне, владеющие иностранными языками, могут быть на этом основании включены в аудиторию иностранных иноязычных медиаканалов. Даже в 1990-е и начале 2000-х гг. техническую возможность регулярного доступа к иностранным СМИ (прежде всего, китайским) имели только жители приграничных районов РДВ [7, с. 104]. Развитие спутникового телевидения в 2000-е гг. способствовало расширению этой аудитории. Однако начавшееся с середины 2000-х гг. ужесточение государственного контроля за иностранным трансграничным теле- и радиовещанием вновь сделало его недоступным для большинства дальневосточников. Тем не менее, относить владеющих языками российских граждан только к потенциальной аудитории иноязычных СМИ также было бы неправильным. Ведь широкие и постоянно растущие возможности доступа к этой категории СМИ для них обеспечивает Интернет, уровень проникновения которого на РДВ в 2012 г. достиг 50% [4, с. 115].

Следует заметить, что владение иностранным языком имеет значение, выходящее за рамки простого индикатора актуальной или потенциальной аудитории иноязычных СМИ. Владение языком другого общества является также необходимым условием увеличения широты и содержательности непосредственной коммуникации с его представи-

¹ Те же опросы показали, что среднероссийская доля владеющих китайским и японским языками не превышает 1%.

телями, её выхода за пределы чисто инструментального общения и превращения в коммуникацию собственно культурных миров. Более того, используемый язык, т.е. преобладающий в коммуникации код, может служить маркером результатов культурно-информационного взаимодействия обществ, сравнительного статуса взаимодействующих культур, тенденций к их экспансии или сжатию. Собранные данные об участниках, каналах и кодах трансграничной коммуникации позволяют сделать некоторые предварительные выводы о динамике и этапах современных культурно-информационных отношений РДВ с пятью его ближайшими соседями.

С точки зрения большинства рассмотренных в этой работе параметров культурно-информационных отношений РДВ, ведущее положение в них к настоящему времени занимает Китай. Хотя по своей культурной значимости в сознании дальневосточников эта страна существенно уступает Японии, по возможностям каналов информационного воздействия в последние годы она является лидером. Будучи самым крупным производителем информационного контента и страной, располагающей наибольшим количеством СМИ (исключая интернет-ресурсы), Китай достиг преобладания и в секторе иностранных русскоязычных каналов, как интраграницных, так и трансграничных. Китай резко опережает других контрагентов РДВ в сфере непосредственной коммуникации, каналы которой (прежде всего, туристические) вовлекли в культурно-информационные отношения с этой страной уже более половины населения дальневосточного региона. Китайскому языку на РДВ, безусловно, трудно конкурировать по распространённости с английским, однако, следует учитывать, что их прямое сравнение в этом аспекте не вполне корректно, поскольку английский выполняет, помимо прочего, функции языка международного общения и в этом качестве нередко оказывается средством в т.ч. российско-китайских контактов. Наиболее же важным индикатором ведущей роли Китая в трансграничных отношениях РДВ является то, что культурно-информационные показатели этой страны, даже в тех областях, где она не обладает первенством, в сравнении с показателями других стран растут с начала 2000-х гг. заметно более быстрыми темпами.

Главным конкурентом Китая в структуре культурно-информационных отношений РДВ, на мой взгляд, следует считать США. Помимо распространённости английского языка, об этом говорит длительное лидерство США с точки зрения средств производства и распространения информации, включая каналы, вещающие на русском языке. Однако со второй половины 2000-х гг. на российском информационном рынке (за исключением Интернета) относительное присутствие этой страны значительно уменьшилось. Кроме того, в рамках изучаемого периода для дальневосточников были характерны устойчивые тенденции к снижению симпатий и туристического интереса к США и сокращению миграционного обмена с ними.

Важнейшим преимуществом Японии служит сохраняющийся в сознании жителей РДВ высокий уровень культурных симпатий к этой стране и её привлекательности для туризма. При этом, присутствие японских медиаканалов в русскоязычном информационном пространстве, а также масштабы непосредственной коммуникации населения РДВ и Японии на протяжении 1990-х – 2010-х гг. оставались стабильно незначительными. Недостаток данных не позволяет точно оценить сравнительную распространённость на РДВ японского языка, однако, очевидно, что в сравнении с китайским он намного меньше используется в качестве средства живого общения. В целом, можно отметить, что позиции Японии в структуре культурно-информационных отношений

РДВ обуславливаются не столько актуальными содержанием и динамикой этих отношений, сколько инерционными факторами, исторической памятью и её эволюцией под действием внутрироссийских культурных процессов.

Культурно-информационные отношения с Южной Кореей с начала 2000-х гг. показывают определённый рост объёма, что выражается как в повышении общей значимости образа этой страны, так и в увеличении миграционного движения между ней и РДВ. Слабыми сторонами в трансграничных отношениях с РК являются малое количество и пропускная способность русскоязычных медиаканалов южнокорейского происхождения и незначительная распространённость на РДВ корейского языка. Вместе с тем, наблюдаемые тенденции говорят о том, что РК заинтересована в дальнейшем усилении своего культурно-информационного присутствия в дальневосточном регионе, и, на фоне пассивной позиции Японии, вполне в состоянии в перспективе опередить последнюю в данной сфере.

Предсказуемым аутсайдером трансграничных культурно-информационных отношений РДВ выступает КНДР. Препятствием для расширения взаимных связей сегодня является не только политико-идеологическая закрытость этой страны, но, даже в большей степени, ограниченные социально-экономические и, как следствие, информационно-технологические возможности КНДР. Наиболее реальным в этих условиях направлением развития культурно-информационных отношений между РДВ и Северной Кореей может быть наращивание миграционного и, прежде всего, туристического обмена, заинтересованность в котором в последнее время определённно проявляет северокорейская сторона.

Касаюсь вопроса об общих тенденциях и периодизации культурно-информационных отношений РДВ с соседними странами, следует обратить внимание на ту поворотную веху, которой в их развитии стал рубеж 1990-х – 2000-х гг. Вялый рост или даже снижение культурной привлекательности соседей, стабилизация числа участников и каналов трансграничной коммуникации с начала 2000-х гг. сменяются в целом (кроме США) устойчивой положительной динамикой. Повышение интереса к внешнему окружению и расширение участия в трансграничной коммуникации, прежде всего, с российской стороны, на мой взгляд, объясняется не столько целенаправленной политикой РФ, как раз в 2000 г. впервые принявшей доктрину информационной безопасности [3], сколько косвенным воздействием улучшения социально-экономической ситуации в России и устранением прямых угроз её суверенитету. Несмотря на последовательное ужесточение с середины первого десятилетия XXI в. политики в отношении иностранных СМИ и ухудшение внешнеполитической обстановки, тренд, наметившийся в начале 2000-х гг., в основном сохраняется до сих пор. Показательно и то, что вполне независимую, малочувствительную к действиям государства траекторию имеет и наблюдаемое на протяжении последних двадцати лет понижение культурного интереса дальневосточников к США.

Отмеченная высокая степень автономии культурно-информационных процессов от государственной политики, даже в такой сфере как трансграничные отношения, как представляется, не случайна. Она является объективным выражением качественного усложнения состава и структуры современного трансграничного информационного взаимодействия, всеобъемлющее управление которым со стороны какого бы то ни было государства становится практически невыполнимой задачей. Прямое воздействие государства на информационный контент, каналы или коды трансграничной коммуникации, как правило, имеет только

локальный или краткосрочный эффект и может быть результативным, прежде всего, как средство нейтрализации подобного же воздействия со стороны других государств. На долгосрочные же отношения между культурами, их способность к самосохранению и расширению государственная политика влияет лишь очень ограниченно и опосредованно – в той мере, в какой иерархия культурных предпочтений и идентичностей участников таких отношений зависит от их оценок состояния собственного общества, его благополучия и жизнеспособности.

Литература

1. Белоусова А.В. Инфокоммуникации как сектор экономического развития: дальневосточный вектор// *Пространственная экономика*. 2012. №3. С.159–182.

2. Владение иностранными языками. Мегаопрос «ГеоРейтинг» 2–20 сентября 2010 г. // База данных ФОМ. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/lang_l/d104318 (дата обращения: 27.02.2016 г.)

3. Герасименко А.П. Информационная безопасность на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в.: задачи и формирование законодательной базы (социальный аспект) // *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2009. №3. С. 107–115.

4. Герасименко А.П. Тихоокеанская Россия в мировом информационном пространстве // *Тихоокеанская Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: опыт последних лет и грядущие перспективы*. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2012. С. 112–125.

5. Доверяете ли Вы следующим средствам массовой информации?... Зарубежным СМИ. 03.05.2015 // ВЦИОМ. <http://wciom.ru> (дата обращения: 27.02.2016 г.)

6. Евдокимов Е.В. Политика Китая в глобальном информационном пространстве // *Международные процессы*. 2011. Том 9. №1. С. 74 – 83.

7. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.

8. Индикаторы информационного общества: 2015: статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, Л.М. Гохберг, М.А. Кевеш и др. М.: НИУ ВШЭ, 2015. 312 с.

9. Какими иностранными языками Вы владеете? 25.10.2009// ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru> (дата обращения: 27.02.2016 г.)

10. Какими иностранными языками Вы владеете? Английский. 14.09.2014// ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru> (дата обращения: 27.02.2016 г.)

11. Какими иностранными языками Вы владеете? Китайский. 14.09.2014// ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru> (дата обращения: 27.02.2016 г.)

12. Какими иностранными языками Вы владеете? Японский. 14.09.2014// ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru> (дата обращения: 27.02.2016 г.)

13. Ксензов М.Ю. Ограничение участия иностранного капитала в российских СМИ. Презентация заместителя руководителя Роскомнадзора. 3 июля 2015 года // Роскомнадзор. URL: https://rkn.gov.ru/docs/izmenenija_v_zakon_O_SMI_inokapital.pdf (дата обращения: 2.03.2016 г.)

14. Ларин В.Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е гг. XX – начало XXI вв.). М.: Восток-Запад, 2005. 390 с.

15. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников. Эволюция взглядов и представлений на рубеже XX – XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 312 с.
16. Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны. М.: Проколение, 2012. URL: http://propagandahistory.ru/books/Igor-Panarin_SMI--propaganda-i-informatsionnye-voiny (дата обращения: 5.03.2016 г.)
17. Радио «Свобода» прекратит вещание в эфире с ноября // BBC. Русская служба. 21.09.2012. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2012/09/120921_gessen_svoboda.shtml (дата обращения: 17.03.2016 г.)
18. Реестр разрешений на распространение зарубежных периодических изданий // Роскомнадзор. URL: <http://rkn.gov.ru/opendata/7705846236-PermToDistributeForeignPeriodicals/> (дата обращения: 7.03.2016 г.)
19. Российский статистический ежегодник 1994 / Госкомстат. М., 1995.
20. Российский статистический ежегодник 1996 / Госкомстат. М., 1997.
21. Российский статистический ежегодник 1998 / Госкомстат. М., 1998.
22. Российский статистический ежегодник. 2001 / Росстат. М., 2001.
23. Российский статистический ежегодник. 2003 / Росстат. М., 2003.
24. Российский статистический ежегодник. 2008 / Росстат. М., 2008.
25. Российский статистический ежегодник. 2011 / Росстат. М., 2011.
26. Российский статистический ежегодник. 2014 / Росстат. М., 2014.
27. Сикорская О.Г. К вопросу об исторической основе изучения национальной печати этнических корейцев на территории российского Дальнего Востока // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. №6. С. 57–59.
28. Федеральная служба государственной статистики. Центральная база статистических данных. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (дата обращения: 26.02.2016 г.)
29. Численность и миграция населения РФ в 2008 г. / Росстат. М., 2009.
30. Численность и миграция населения РФ в 2010 г. / Росстат. М., 2011.
31. Численность и миграция населения РФ в 2013 г. / Росстат. М., 2014.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Belousova A.V. Infokommunikatsii kak sektor ehkonomicheskogo razvitiya: dal'nevostochnyj vektor // Prostranstvennaya ehkonomika. 2012. №3. S.159–182.
2. Vlenie inostrannymi yazykami. Megaopros «GeoRejting» 2–20 sentyabrya 2010 g. // Baza dannykh FOM. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/lang_l/d104318 (data obrashheniya: 27.02.2016 g.)
3. Gerasimenko A.P. Informatsionnaya bezopasnost' na Dal'nem Vostoke Rossii v kontse KHKH – nachale XXI v.: zadachi i formirovanie zakonodatel'noj bazy (sotsial'nyj aspekt) // Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke. 2009. №3. С. 107–115.
4. Gerasimenko A.P. Tikhookeanskaya Rossiya v mirovom informatsionnom prostranstve // Tikhookeanskaya Rossiya v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenij i obespecheniya bezopasnosti v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: opyt poslednikh let i gryadushhie perspektivy. Vladivostok: ИАЕИ ДВО РАН, 2012. S. 112–125.
5. Dovyeraete li Vy sleduyushhim sredstvam massovoj informatsii?... Zarubezhnym SMI. 03.05.2015 // VTSIOM. <http://wciom.ru> (data obrashheniya: 27.02.2016 g.)
6. Evdokimov E.V. Politika Kitaya v global'nom informatsionnom prostranstve // Mezhdunarodnye protsessy. 2011. Tom 9. №1. S. 74 – 83.
7. Zabiyako A.P., Kobyzov R.A., Ponkratova L.A. Russkie i kitajtsy: ehnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke. Blagoveshensk: Amurskij gos. un-t, 2009. 412 s.
8. Indikatory informatsionnogo obshhestva: 2015: statisticheskij sbornik / G.I. Abdrakhmanova, L.M. Gokhberg, M.A. Kevesh i dr. M.: NIU VSHEH, 2015. 312 s.

9. Kakimi inostrannymi yazykami Vy vladeete? 25.10.2009// VTSIOM. URL: <http://wciom.ru> (data obrashheniya: 27.02.2016 g.)
10. Kakimi inostrannymi yazykami Vy vladeete? Anglijskij. 14.09.2014// VTSIOM. URL: <http://wciom.ru> (data obrashheniya: 27.02.2016 g.)
11. Kakimi inostrannymi yazykami Vy vladeete? Kitajskij. 14.09.2014// VTSIOM. URL: <http://wciom.ru> (data obrashheniya: 27.02.2016 g.)
12. Kakimi inostrannymi yazykami Vy vladeete? YAponskij. 14.09.2014// VTSIOM. URL: <http://wciom.ru> (data obrashheniya: 27.02.2016 g.)
13. Ksenzov M.YU. Ogranichenie uchastiya inostrannogo kapitala v rossijskikh SMI. Prezentatsiya zamestitelya rukovoditelya Roskomnadzora. 3 iyulya 2015 goda // Roskomnadzor. URL: https://rkn.gov.ru/docs/izmeneniya_v_zakon_O_SMI_inokapital.pdf (data obrashheniya: 2.03.2016 g.)
14. Larin V.L. Rossijsko-kitajskie otnosheniya v regional'nykh izmereniyakh (80-e gg. KHKH – nachalo XXI vv.). M.: Vostok-Zapad, 2005. 390 s.
15. Larin V.L., Larina L.L. Okruzhayushhij mir glazami dal'nevostochnikov. EHvolyutsiya vzglyadov i predstavlenij na rubezhe XX – XXI vekov. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 312 s.
16. Panarin I.N. SMI, propaganda i informatsionnye vojny. M.: Pokolenie, 2012. URL: http://propagandahistory.ru/books/Igor-Panarin_SMI--_propaganda-i-informatsionnye-voiny (data obrashheniya: 5.03.2016 g.)
17. Radio «Svoboda» prekratit veshhanie v ehfire s noyabrya // BBC. Russkaya sluzhba. 21.09.2012. URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2012/09/120921_gessen_svoboda.shtml (data obrashheniya: 17.03.2016 g.)
18. Reestr razreshenij na rasprostranenie zarubezhnykh periodicheskikh izdanij // Roskomnadzor. URL: <http://rkn.gov.ru/opendata/7705846236-PermToDistributeForeignPeriodicals/> (data obrashheniya: 7.03.2016 g.)
19. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 1994 / Goskomstat. M., 1995.
20. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 1996 / Goskomstat. M., 1997.
21. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 1998 / Goskomstat. M., 1998.
22. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2001 / Rosstat. M., 2001.
23. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2003 / Rosstat. M., 2003.
24. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2008 / Rosstat. M., 2008.
25. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2011 / Rosstat. M., 2011.
26. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2014 / Rosstat. M., 2014.
27. Sikorskaya O.G. K voprosu ob istochnikovoj osnove izucheniya natsional'noj pechati ehtnicheskikh korejtsev na territorii rossijskogo Dal'nego Vostoka // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2011. №6. S. 57–59.
28. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. TSentral'naya baza statisticheskikh dannyx. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (data obrashheniya: 26.02.2016 g.)
29. CHislennost' i migratsiya naseleniya RF v 2008 g. / Rosstat. M., 2009.
30. CHislennost' i migratsiya naseleniya RF v 2010 g. / Rosstat. M., 2011.
31. CHislennost' i migratsiya naseleniya RF v 2013 g. / Rosstat. M., 2014.